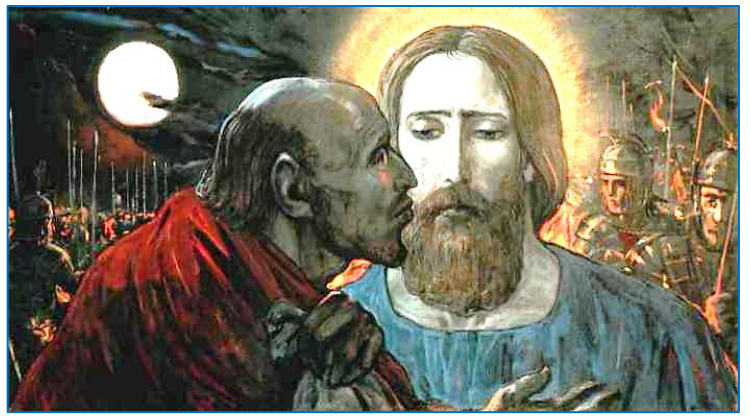


Исповедь Иуды



Как трудно говорить,
когда печать презренья
лежит на всем, что делал ты.
Вот эту исповедь паденья
слушай,
а не уходи.
Еще мальчишкой мечтал о славе я.
Что в том плохого?
Многие мечтают,
Но не всем
удача, случай подвернется.
Я взрослым стал,
когда однажды
на рынке за работой услышал.
Что появился учитель мудрый,
который обещал
другую жизнь,
Мне
захотелось узнать,
о чем он говорит?
И я пошел.
Ходил с ним долго.
Все слушал и смотрел.
И мне казалось.
Прозрел я будто.
Исполнится, о чем мечталось.
К нему я должен поступить учеником.
Спросил Он тихо:
«Что имеешь?»
«Да ничего» - ответ мой прозвучал.
«Я тоже беден» - промолвил Он.
«А что умеешь» -
вопрос Учитель повторил.
«Менять монеты и хранить их» -
ответил я.
«Ну что ж,

такой нам нужен» -
сказал Петру.
«Пусть он служит
хранителем казны всех братьев».
И мы пошли. Я нес сундук,
в который собирали,
все, что пожертвуют Учителю и нам.
Двенадцать было нас, а я последний,
пришел, но так хотелось
быть первым.
Мы шли,
менялись города и села.
Везде Он говорил и обещал народу,
что так недолго ждать осталось,
что скоро царство добра наступит.
А мы должны
любить и верить.
Тогда
Отец Небесный
своей рукою поможет нам
и восстановит Он справедливость.
Иерусалим
вновь воссияет.
Нам надо только
творить добро,
изгнать насилие,
из наших душ.
Он силу мощную,
являл пред нами
постоянно.
И очень многих
людей избавил от злых болезней
и немочей падучих и расслабленья.
И бесов изгонял Он многих.
Я очень восторгался,
когда смотрел,
Как человек, измученный болезнью,
от слов Его вдруг распрямлялся,
вставал и шел,
хотя годами до того лежал в постели.
Особо силу Он проявил,
волну и ветер на море грозном
вмиг укротил.
Мы поразились

такою мощью
и силой страшной в Его руках.
А что же люди?
Им так же должно пасть на колени
к Его ногам.
Но случилось совсем не так.
Искать нас стали и было ясно
Поймать задумал
Его синедрион.
Мы все Ему не раз твердили
«Благой скажи и сотни тысяч
придут и станут под Твои знамена
Ведь Ты же Царь,
Мессия Славный,
но улыбаясь, говорил Он,
Что меч принес не для сраженья,
а отделить добро от зла».
Мы смолкали, лишь Петр не мог
остановить свои сомненья
и меч носил.
Да толку что?
Учитель часто говорил,
что пострадает и умрет.
Потом воскреснет,
но это было
выше разуменья моего.
Как можно, с такою силой,
с поддержкою народа
идти на смерть?
Когда победа была так близко.
Своею речью Он мог поднять
кого угодно.
И весь синедрион
был бы сметен
волной народной.
Да что синедрион!
Мы гордых римлян
Изгнали бы с Святой земли!
И так досада меня томила,
что я решил Его заставить,
толкнуть на битву.
Тем послужить добру и правде.
Когда увидит Он слуг Каифы,
Нам придется встать на защиту.

И все восстанут.
Вот с этим я пришел к Каифе
в синедрион.
Их было семьдесят.
Они решали
спасти Закон.
Народу данный, Моисеем.
Который хочет заменить
Учитель новый.
Власть синедриона уже шаталась.
Ждали все, что скажет он,
Первосвященник.
И он сказал:
«Идет погибель народу моему,
Пусть остановят безумца молодого.
Любым путем,
А лучше смертью.
Погибнуть должен всего один.
За весь народ.
Иначе смута
заставит римлян прибегнуть к силе.
И легионы придут в Израиль
И не оставят на камне камень,
и реки крови омоют землю.
И я смеялся всей душой.
Он будто мысли читал мои.
Я предложил Его им выдать.
Если денег они заплатят.
Каифа сразу дал мне монеты.
Их было тридцать. Я посчитал.
И положил в сундук общинный
к другому серебру.
Сказал им,
Что ждать осталось
кануна Пасхи.
А в ночь на пятницу мы собрались.
На Тайную вечерю.
Хотя годами меня был младше
и многих тоже, не всех, конечно.
Отцом любимым
и другом верным
для нас предстал Он.
А мне казалось,
что знает все.

Когда склонившись,
К моим ногам,
Еще страшнее
прозвучали Его слова
Скорее только». И мне ко рту
Спазм от волнения стянул мне глотку
и в ней застрял
Вскочивши с места
в двери вышел.
Почти бегом пошел к Каифе
И рассказал,
Толпу людей послал со мною
первосвященник.
И стражники синедриона.
Глубокой ночью мы пришли
Было тихо.
«Он где-то здесь» -
«Их тут двое
похожих очень».
«Поцелуем Его от брата
я отличу».
И осветили вдруг человека,
Который вышел толпе навстречу.
«Ты Учитель»
И бросился к Нему целуя.
Я ждал, что Петр и остальные возьмут мечи
и отобьются

Так стало страшно,

Он омывал их.

«Что хочешь, делай,

поднес кусок.

кусок дареный.

Не мог быть больше я рядом с ним.

То были слуги его

в сад Гефсиманский.

шепнул им я.

Сказал толпе я.

Над нами факелы горели ярко

Его узнал я и громко крикнул:

А Он с укором мне говорит:

«Что ж поцелуем Меня ты предал,
не смог другого придумать ты?»

им помогу я.
И, правда, Петр взмахнул мечом,
и даже ухо отсек
слуге первосвященника Каифы.
Но Он вмешался:
«Оставь! Не надо!
Пройти я должен свой скорбный путь.
А силы тьмы пусть торжествуют,
Но не надолго.
Ужасная придет расплата.
На камне камня
здесь не оставят,
такая месть ждет этот город!
И жители его
уйдут на сотни лет
в другие земли»!
Его связали и увели,
а я остался.
Сундук с деньгами,
Стоявший рядом,
вопил как будто.
И совесть стонала тяжело!
«Зачем ты предал,
Душу живую
им прямо в руки?
О! Как мне стало
вдруг сразу горько
и стыдно очень.
Что я наделал?
К первосвященнику бегом помчался.
Там были все.
Меня впустили.
Каифу я просил смиренно:
«Возьмите деньги свои назад,
Но отпустите мне человека.
Он не виновен.
Хотел добра лишь только людям»!
Первосвященник взглянул угрюмо:
«Какое дело мне до того,
что ты раздумал?
А деньги эти теперь твои»!
Заплакав горько, я в храм ворвался,
бросил на пол сундук с деньгами и убежал.
Рыдая громко и причитая,

я шел, шатаясь
сквозь тьму ночную,
Когда поляна вдруг оказалась
передо мною,
Где целованьем
и дерево,
Его я предал.
На мне был пояс.
Я сделал петлю,
На сук накиннул
И привязал.
Моя молитва,
Дойди до Бога!
Отец Небесный!
Я не желал!

2002 год